

ССАГПЗ КАК АРЕНА РЕАЛИЗАЦИИ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ
КРУПНЕЙШИХ ЭКОНОМИК МИРА:
ОПЫТ США, КИТАЯ И РОССИИ
THE GCC AS AN ARENA FOR IMPLEMENTING
THE STRATEGIC INTERESTS OF GLOBAL ECONOMIC
POWERHOUSES: CASES OF THE UNITED STATES,
CHINA, AND RUSSIA

© 2023 **Алина Александровна Жильченко**

магистрант, Дипломатическая академия МИД России,
Москва, Россия; a.alzhil@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-0275-5736

Alina A. Zhilchenko

Master's Student, the Diplomatic Academy of the Ministry of
Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; a.alzhil@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-0275-5736

Статья посвящена конкурентным стратегиям основных игроков мировой экономики в борьбе за влияние на хозяйственную систему арабских стран Персидского залива. С одной стороны, в региональную повестку активно включаются США, ставшие крупнейшим производителем нефти еще в 2015 году благодаря сланцевой революции. С другой — Китай как крупнейший импортер и быстрорастущий рынок потребления нефти, а также Россия — экономика переходного типа в поиске новых возможностей сотрудничества с «незападными» партнерами. Автор анализирует ключевые показатели торгово-инвестиционных потоков и других форм экономических отно-

шений перечисленных стран с ССАГПЗ с целью оценить место рассматриваемых государств в существующей и перспективной внешнеэкономической стратегии региона.

Ключевые слова: ССАГПЗ, внешнеэкономическая политика, российско-арабские экономические отношения, стратегические интересы, торгово-инвестиционное сотрудничество

Для цитирования: Жильченко А. А. ССАГПЗ как арена реализации стратегических интересов крупнейших экономик мира: опыт США, Китая и России. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 1. С. 63–73. DOI: 10.18254/S268684310025303-1

The paper focuses on the competitive strategies of the main economic powerhouses in the struggle for influence on the economy of the Arab states of the Persian Gulf. On the one hand, the United States, which became the largest oil producer in 2015 thanks to the shale revolution, actively began to engage in the regional agenda. On the other hand, there is China as the largest importer and a fast-growing market for oil consumption. In addition, there is Russia — a transitional economy in search of opportunities for cooperation with “non-Western” partners. The author analyzes key indicators of trade and investment flows as well as other forms of economic relations between those countries and the GCC to assess the role that they play in the existing and prospective foreign economic strategy of the region.

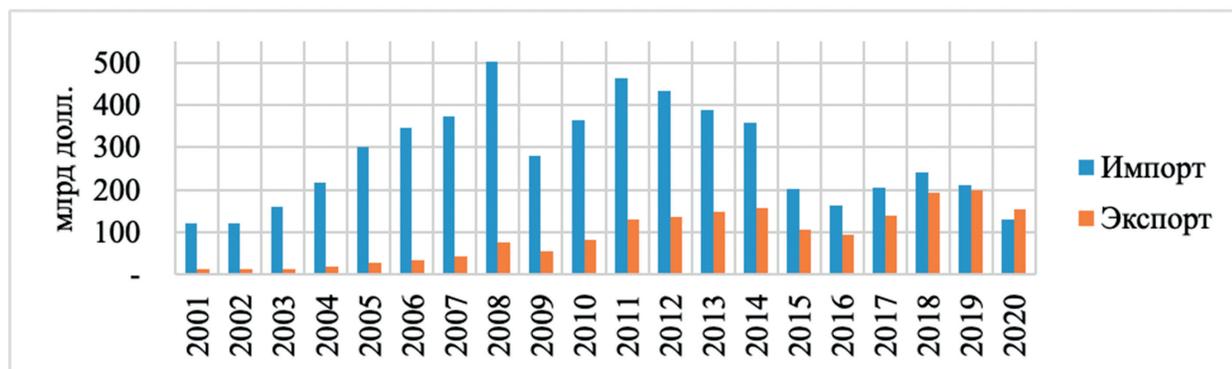
Keywords: GCC, foreign economic policy, Russian-Arab economic relations, strategic interests, trade and investment cooperation

For citation: Zhilchenko Alina A. The GCC as an Arena for Implementing the Strategic Interests of Global Economic Powerhouses: Cases of the United States, China, and Russia. *Oriental Courier*. 2023. No. 1. Pp. 63–73. DOI: 10.18254/S268684310025303-1

Современные тенденции развития мировой экономики характеризуются постоянным ростом роли рынков энергоносителей как инструмента распределения стратегических ресурсов. Особое место в цепочках поставок играют экспортеры углеводородного сырья — нефти и газа, на которые и сегодня приходится более половины мирового энергопотребления. При этом Ближний Восток, и, в частности, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) в составе шести стран (Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия) оказывает все более значимое влияние на глобальные экономические процессы.

Однако в настоящее время, в условиях трансформации энергетических рынков и мирохозяйственной системы в целом, арабские государства с одной стороны становятся «ареной» столкновения интересов крупнейших экономик, и с другой, — при изначальной политической нестабильности региона вынуждены адаптироваться и к новейшим вызовам экономического характера.

Активное включение стран ССАГПЗ в мировую торговлю и международные экономические отношения с середины XX века в целом предопределило их роль в качестве ключевого поставщика нефти, нефтепродуктов, а также других видов минерального сырья. В этой связи логично предположить, что в задачи других наиболее значимых игроков современной мирохозяйственной системы — производителей готовой продукции, — входит установление контроля или, по крайней мере, оказание существенного влияния на процесс принятия решений в странах-экспортерах топливно-энергетических ресурсов. Причина тому — риски, связанные с неизбежной интеграцией стран в глобальные цепочки добавленной стоимости: сегодня государства вынуждены предпринимать значительные усилия для минимизации последствий «ловушки одного поставщика», способного оказывать прямое давление на экономическую политику государств-партнеров [Толмачев, 2020, с. 13].

Илл. 1. Динамика стоимостных объемов экспорта и импорта минерального сырья США, млрд. долл.

Составлено автором по материалам базы данных Trade Map

Fig. 1. Dynamics of the value of the US exports and imports of raw materials, billion dollars

Compiled by the author based on the Trade Map data¹

США — НОВЫЙ «СВЕРХКОНКУРЕНТ» НА РЫНКЕ ЭНЕРГОНОСИТЕЛЕЙ

Важно отметить, что современный период характеризуется географическим перераспределением экспортно-импортных потоков минерального сырья: новые цепочки поставок формируются в связи с рядом событий, внесшим корректировки в структуру мирового хозяйства. Так, в XX — начале XXI в. Ближний Восток играл роль основного поставщика энергоносителей в страны Запада, и, в частности, в США. Такой «баланс сил» сопровождался высоким уровнем зависимости развитых стран от поставок из арабских государств Персидского залива и Ирана. Впоследствии энергетический кризис 1970-х гг. спровоцировал запуск активного процесса поиска альтернативных торговых партнеров-поставщиков энергетических ресурсов в США при попытках страны развивать собственный минерально-ресурсный потенциал.

Первый существенный сдвиг в распределении влияния между акторами рынков энергоносителей в пользу США произошел с началом сланцевой революции в 2010-е годы. Эксперты оценивают это событие как начало «глобального энергетического перехода» в мировой экономике, т. к. изменения в структуре произ-

водства и потребления нефти в США вызвали цепную реакцию, качественно трансформировав международные рынки: переориентация цепочек поставок означала превращение одного из крупнейших импортеров нефти в ее экспортера [Абрамов и др., 2019, с. 293] (Илл. 1).

Представленный график наглядно иллюстрирует устойчивое и достаточно резкое сокращение разрыва между объемами экспорта и импорта, начиная с 2011 года. В этом отношении 2019 год стал переломным, т. к. сальдо торгового баланса США в сфере минерального топлива перешло в область положительных значений, а значит в действительности страна стала его нетто-экспортером. При этом, в отличие от других игроков на рынке нефти, США обладают преимуществом стабильной экономики с высоким уровнем доверия институтам, внедрения инноваций, развитым частным сектором и предпринимательской инициативой.

Что касается ССАГПЗ, последствием изменений в энергетической политике США стал, к примеру, полный отказ от поставок природного газа из Катара еще в 2014 году. Более того, с 2010 года постепенно снижается объем импорта нефти из Саудовской Аравии, прежде основного поставщика «черного золота» в США в противовес Ирану [Дегтерев, Никулин, Рамич,

¹ Trade Map. *International Trade Centre*. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed 28.02.2022).

2021, с. 243]. Фактически, в тот же период, в 2015 г. президент Барак Обама подписал проект бюджета на 2016 г., предполагавший отмену 40-летнего эмбарго на экспорт нефти.

Для стран Персидского залива подъем добывающей промышленности в США несет гораздо более серьезные риски, чем появление равноценного конкурента. Потенциальные покупатели, т. е. страны, испытывающие необходимость в поставках минерального сырья из-за рубежа, встанут перед выбором поставщика. Выбирая, например, из региона Персидского залива, Латинской Америки, России и США, потребитель скорее будет склонен к установлению долгосрочных торговых отношений именно с Вашингтоном, т. к. каждый производитель заинтересован в своевременных поставках на стабильных условиях при низких политических рисках [Исраилов и др., 2020, с. 7].

КИТАЙ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПАРТНЕР В СФЕРЕ ДОЛГОСРОЧНОГО ТОРГОВО-ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Пренебрегать фактором беспрецедентного по масштабам экономического роста Китая не стоит: на данный момент именно он является основным потребителем нефти и нефтепродуктов, а значит страна заинтересована в поставках дешевого сырья. Учитывая напряженность в китайско-американских отношениях, рост импорта из США мог бы быть сопряжен с опасениями по поводу угрозы экономической безопасности КНР. Следовательно, ССАГПЗ в отношении поставок энергоносителей в Китай остается наиболее приемлемой альтернативой, невзирая на политическую нестабильность региона.

Прежде всего, Китай для арабских монархий Персидского залива — рынок сбыта и один из крупнейших импортеров нефти. И наоборот, регион Аравийского полуострова играет ключевую роль во внешнеэкономической стратегии

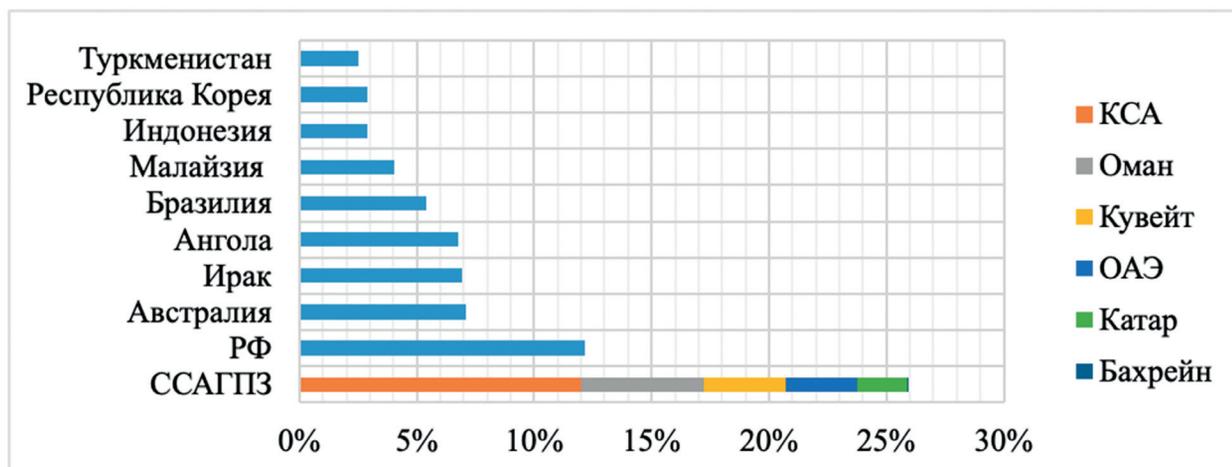
Китая, покрывая его потребности в энергоносителях более чем на четверть (Илл. 2).

Итак, в совокупности страны Совета сотрудничества оказывают на китайские рынки несоизмеримо большее влияние, чем другие страны. Равным образом арабские страны Персидского залива оценивают Китай как надежного партнера ввиду отсутствия объективных исторических предпосылок для политических и экономических разногласий. При этом перспективы ускоренного экономического развития КНР позволяют странам ССАГПЗ рассчитывать на долгосрочное сотрудничество с одной из ведущих экономик мира.

Вместе с тем особое место во внешнеэкономической стратегии стран ССАГПЗ занимает инвестиционное сотрудничество с Китаем. Это связано с тем, что страны Персидского залива накопили существенные резервы нефтедолларов, которые теперь вкладывают в национальные и зарубежные проекты. Аналогично торговле, основным направлением потоков инвестиций из аравийских монархий обычно выступали США и страны Европы, однако в последнее время наблюдается тенденция к их переориентации на азиатские рынки в поисках высокой доходности вложений. Так, доля прямых иностранных инвестиций ССАГПЗ в КНР выросла с 0,03 % в 1998 г. до 0,4 % в 2008-м. К настоящему моменту доля вновь упала до 0,1 %, однако это существенный рост по сравнению с началом 2000-х гг. Таким образом, несмотря на критически низкий объем ПИИ из арабских стран в Китай, на них приходится в среднем в 3 раза больше, чем еще 20 лет назад².

Вдобавок, на данный момент продолжаются переговоры по созданию зоны свободной торговли, которая объединит ССАГПЗ и Китай и будет способствовать беспрепятственному товарообмену между странами-участницами при отмене таможенных пошлин и сборов. Безусловно, такая инициатива нашла широкую поддержку среди лиц, принимающих решения, как в КНР,

2 Annual Data. *National Bureau of Statistics of China*. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/> (accessed 01.03.2022).

Илл. 2. Основные страны-поставщики минерального топлива в Китай, % от объема импорта (2019)

Составлено автором по материалам базы данных Trade Map

Fig. 2. The main countries-suppliers of mineral fuel to China, % of imports (2019)

Compiled by the author based on the Trade Map data³

так и в арабских странах Персидского залива, однако обсуждения ведутся еще с 2004 года. Первый значимый шаг в решении этого вопроса был достигнут в 2010 году, когда состоялся первый раунд стратегического диалога Китай — Совет сотрудничества стран Залива, а за 12 лет всего прошло четыре сессии (2010, 2011, 2014 и 2016 гг.). Тем не менее представляется, что политическая нестабильность в арабском мире до текущего момента является основным препятствием в завершении процесса устранения тарифных барьеров между потенциальными членами зоны свободной торговли.

Говоря об инвестиционном сотрудничестве, необходимо уделить особое внимание китайской инициативе «Один пояс — один путь», включающей в себя проекты в сфере инфраструктуры, транспорта, энергетики и коммуникаций, а также объединяющей регионы от Юго-Восточной Азии до Европы и Африки. В рамках этой инициативы Аравийский полуостров играет немаловажную роль в развитии международных транспортных коридоров в силу своего выгодного экономико-географического положения. Закономерно, что в основном проекты,

реализация которых планируется на территории арабских стран Персидского залива, связаны с логистикой и энергетикой (Табл. 1).

Безусловно, в таблице представлен не полный список: выделены важнейшие проекты, формирующие точки роста на пространстве Аравийского полуострова. Однако нельзя не отметить, что на данном этапе полностью реализован только один проект из указанных — строительство железнодорожной линии в Саудовской Аравии. Представляется, что для проектов со сроком реализации в 2020 году это частично вызвано приостановкой производства и работ во время пандемии COVID-19.

В итоге Китай одновременно занимает позицию акционера и подрядчика в ряде стратегических проектов на территории ССАГПЗ. При этом, в отличие от других зарубежных партнеров, КНР очевидно делает ставку на диверсификацию в рассматриваемом регионе, спонсируя проекты в сфере инфраструктуры, логистики и альтернативных источников энергии, отвечая планам стран Совета по трансформации региона в ключевой логистический хаб международного уровня, обеспечивающий транспортное

³ Trade Map. *International Trade Centre*. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed 28.02.2022).

Табл. 1. Основные проекты, реализуемые на территории ССАГПЗ в рамках инициативы «Один пояс — один путь»

Составлено автором на основе данных официального сайта инициативы «Один пояс — один путь»⁴ и Центра стратегических и международных исследований США

Table 1. The main projects implemented on the territory of the GCC within the framework of the “One Belt– One Road” initiative

Compiled by the author based on the data from the official website of the “One Belt, One Road” initiative and the Center for Strategic and International Studies of the USA⁵

Страна	Название проекта	Сфера	Стоимость (млн долл.)	Статус	Срок завершения (план)
КСА	Грузовая железнодорожная линия Даммам — Эр-Рияд	транспорт	42,6	завершен	фев. 2017 г.
ОАЭ	Контейнерный терминал 2 порта Халифа	транспорт	738	на стадии переговоров	2018 г.
Оман	Торговый терминал и операционная зона порта Дукм	транспорт	353,3	ведется строительство	дек. 2020 г.
ОАЭ	Электростанция Хасьян, Дубай	энергетика	400 3	ведется строительство (1 блок)	март 2023 г.

сообщение между Европой, Африкой и Юго-Восточной Азией через Ближний Восток.

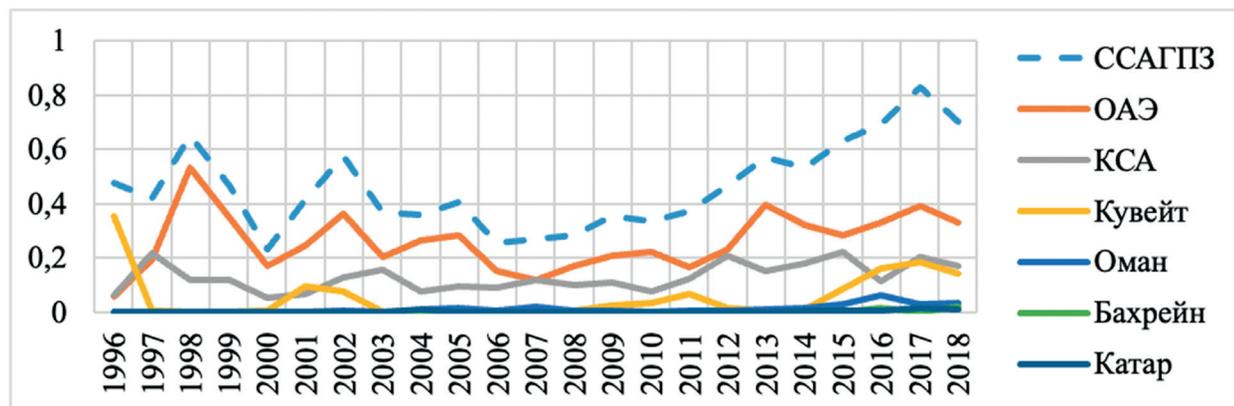
СОТРУДНИЧЕСТВО С РОССИЕЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

История взаимоотношений России и государств Персидского залива насчитывает не одно десятилетие, затрагивая в равной степени социокультурные аспекты, политические и экономические взаимосвязи. Необходимо подчеркнуть, что характер взаимодействия указанных государств неоднороден даже по исключительно экономическим вопросам — инвестиционная политика, финансовая сфера, сырьевые рынки и энергетика в различные периоды могут представлять собой плацдарм как для взаимовыгодного сотрудничества, так и для острой конкуренции и противоречий между РФ и ССАГПЗ.

Для современного этапа развития российско-арабских отношений в целом характерны существенные изменения в балансе сил. Причина тому — многочисленные события, кардинальным образом повлиявшие на позиционирование России и арабских стран Персидского залива на мировой экономической арене. Для России такой поворотной точкой стал распад Советского союза. До 1990-х гг. отношения арабских государств с СССР отличались высокой степенью идеологизации: за отсутствием открытых противоборств центры социалистического мира с одной стороны и монархического строя с другой ограничивались осторожным нейтралитетом по отношению друг к другу. Однако начало перестройки, а затем и появление Российской Федерации как отдельного субъекта международных отношений способствовали установлению более практических взаимовыгодных связей.

4 Project Overview. *Belt and Road Initiative*. URL: <https://www.beltroad-initiative.com/projects/> (accessed 20.04.2021).

5 Projects. *Reconnecting Asia*. CSIS. URL: <https://reconnectingasia.csis.org/database/projects/> (accessed 01.03.2022).

Илл. 3. Доля стран ССАГПЗ в объеме экспорта РФ, %
 Составлено автором на основе данных Всемирного банка
 Fig. 3. The share of the GCC countries in Russian exports, %
 Compiled by the author based on the World Bank data

Что касается самого ССАГПЗ, для него начало 2000-х также оказалось насыщенным событиями, впоследствии повлиявшими на возможности сотрудничества с Россией. Среди них, например, арабская весна 2010–2012 гг., дипломатический кризис в Заливе (разрыв отношений с Катаром) 2017 г.

Более того, немаловажно упомянуть некоторые конфликты регионального масштаба, как например гражданские войны в Сирии и Йемене. Несмотря на косвенное отношение к странам Персидского залива, практически каждое из таких противостояний не обходится без участия Саудовской Аравии в силу ее роли религиозного и политического лидера региона. Часто, как в случае с вооруженными столкновениями в Сирии, взгляды России и стран Персидского залива на проблемы Ближнего Востока не совпадают. Однако в целом активное включение России в ближневосточную повестку не могло остаться без внимания арабских монархий, и это прямым образом

отразилось на сотрудничестве сторон в экономической сфере.

Тем не менее, доля стран ССАГПЗ во внешне-торговом обороте РФ остается на крайне низком уровне. На 2018 год доля арабских монархий Персидского залива в импорте составляет всего 0,2 %⁶.

В то же время, в качестве экспортных торговых партнеров России на страны ССАГПЗ приходится всего 0,7 %. Этот показатель, при его исключительно низком уровне, все же выше процента стран Сотрудничества в импорте России. Это позволяет предположить, что Россия в качестве экспортера представляет больший интерес для стран Персидского залива, чем наоборот (Илл. 3).

Таким образом, аналогичные тенденции свойственны как импортной, так и экспортной деятельности РФ: снижение доли в начале 2000-х сменяется возобновлением роста уже начиная с 2010 года. Что характерно, в экспорте России не наблюдается такого же резкого роста процент-

6 Russian Federation Import Partner Share by Country. *WITS Data. The World Bank*. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUS/StartYear/1996/EndYear/2018/TradeFlow/Import/Partner/BY-COUNTRY/Indicator/MPRT-PRTNR-SHR#> (accessed 05.03.2022).

7 Russian Federation Export Partner Share by Country. *WITS Data. The World Bank*. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUS/StartYear/1996/EndYear/2018/TradeFlow/Export/Partner/BY-COUNTRY/Indicator/XPRT-PRTNR-SHR> (accessed 05.03.2022).

ного соотношения в последние годы: показатель в среднем держится на уровне 0,5–0,7 % на протяжении всего рассматриваемого периода с 1996 по 2018 год.

Импорт же в Россию претерпел значительные изменения, т. к. фактически доля стран ССАГПЗ увеличилась в несколько раз за последние 25 лет (с 0,03 % до 0,2 %). Безусловно, вклад арабских стран в импорт РФ остается на крайне низком уровне, однако прогресс во внешнеторговом взаимодействии и заинтересованность исследуемых стран в российском рынке очевидны.

При этом необходимо учитывать, что сотрудничество и торговля между РФ и странами Персидского залива на данном этапе затруднена рядом факторов. Во-первых, структура экспорта России, обусловленная наличием сравнительных преимуществ, аналогична специализации государств ССАГПЗ. Так, поставки минерального топлива и нефти составляют 53 % экспорта России и при этом 79 % экспорта Саудовской Аравии, 61 % — Бахрейна, 31 % — ОАЭ и т. д.⁸ Это сходство не позволяет странам существенно нарастить торговый обмен и тормозит их сотрудничество в отраслях, не связанных с добычей нефти и других полезных ископаемых.

Во-вторых, существуют препятствия и во взаимодействии на уровне бизнеса. В частности, российское предпринимательство пока не готово вкладывать в регион значительные средства: масштаб капиталовложений не соизмерим с потребностями арабских экономик. И наоборот, арабские инвесторы в свою очередь достаточно низко оценивают инвестиционный климат в России. Представляется, что это связано с низким уровнем осведомленности российского и арабского бизнес-сообществ о деловой культуре и потенциальных инвестиционных возможностях другой стороны.

Вместе с тем, анализируя Внешнеэкономическую стратегию Российской Федерации до 2020 г., нельзя не обратить внимание на уровень значимости Ближнего Востока в целом для реализации экономических интересов России на мировой арене. Так, в главе, посвященной региональным и страновым приоритетам, страны Ближнего, Среднего Востока и Африки занимают последнее место, уступая в очередности Латинской Америке.

Тем не менее, в качестве цели внешнеэкономической политики России в этом регионе ставится в частности «наращивание российского экспорта, в том числе машинно-технических товаров и спецтехники» [*Внешнеэкономическая стратегия...* 2008, с. 33]. Однако, проследив экспортную деятельность РФ по группам товаров 84–85 Гармонизированной системы ВТО (машины и электрооборудование), отметим: в 2018 г. на них приходится доля всего в 3,3 % от общего экспорта России в страны Ближнего Востока и Северной Африки. Более того, этот показатель устойчиво снижается с 2015 г.⁹

В действительности же конкурентное преимущество РФ на рынках стран Персидского залива не обязательно выходит за рамки сотрудничества в энергетической сфере. Так, одной из ключевых задач стратегии России является продвижение российских технологий при строительстве и обслуживании АЭС. Содействие развитию мирного использования ядерной энергетики на пространстве Ближнего Востока — особенно важное направление внешнеэкономической политики России на фоне формирования пояса ракетно-ядерной нестабильности в непосредственной близости от региона Аравийского полуострова (Иран, Индия, Пакистан, КНДР).

В настоящее время РФ не участвует в существующих проектах в этой сфере на территории

8 Russian Federation Export Partner Share by Country. *WITS Data. The World Bank*. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUS/StartYear/1996/EndYear/2018/TradeFlow/Export/Partner/BY-COUNTRY/Indicator/XPRT-PRTR-SHR> (accessed 05.03.2022).

9 Russian Federation Product Exports to Middle East & North Africa 2018. *WITS Data. The World Bank*. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUS/Year/2018/TradeFlow/Export/Partner/MEA/Product/all-groups> (accessed 05.03.2022).

ССАГПЗ, и это вполне может привести к тому, что Россия окажется на периферии новых географических и отраслевых тенденций в развитии мировой энергетики.

Например, в марте 2021 г. стало известно о планах государственной корпорации Росатом развивать производство экологически чистого «зеленого» водорода в России. По сообщениям СМИ, эта технология пользуется особым спросом в странах Персидского залива, нацеленных на диверсификацию и стремящихся к обеспечению своих новых проектов экологически чистыми источниками энергии. Однако уже в 2020 г. Саудовская Аравия, будучи на передовой развития и использования альтернативной энергетики, заключила соглашение с американской компанией «Air Products and Chemicals» о строительстве крупнейшей в мире станции по производству такого вида водорода с использованием возобновляемых источников энергии.

В то же время, все проекты по сотрудничеству ССАГПЗ и России в сфере энергетики на данный момент находятся на стадии переговоров. Например, в июле 2019 г. Росатом выступил с предложением строительства АЭС средней мощности в Саудовской Аравии на базе российских технологий. Это означает, что российские компании в целом заинтересованы в сооружении первой в этой стране атомной электростанции, однако властями КСА до сих пор не принято решение о сроках и исполнителе проекта. Конкурентами Росатома, также прошедшими предквалификационный отбор в тендере на строительство, выступят американская электротехническая фирма Westinghouse Electric, китайская компания в сфере атомной энергетики China National Nuclear Corp., южнокорейский поставщик электроэнергии КЕРСО и французская энергогенерирующая компания Électricité de France¹⁰.

В этом контексте основная задача России сейчас — активно участвовать в процессе

трансформации энергетического потенциала Аравийского полуострова, т. к. игнорирование подобных очевидных возможностей утвердить свое экономическое присутствие в регионе может обернуться потерей конкурентоспособности российского экспорта энергооборудования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращаясь к анализу конкурентной борьбы США и Китая в регионе Персидского залива, подытожим: интересы сторон здесь противоположны в связи с характером их участия в процессах производства, обмена, распределения и потребления на рынках энергоносителей. Для США выгодна дестабилизация на пространстве ССАГПЗ. Во-первых, это способствует росту цен на нефть, увеличивая прибыль американских нефтяных компаний без необходимости сокращать уровень добычи. Во-вторых, стремление импортеров энергоресурсов минимизировать системные риски определяет их желание обеспечить безопасность поставок, а значит в случае нарастания напряженности в Заливе, спрос на американскую нефть только увеличится.

С другой стороны, Китай как крупнейший рынок потребления нефти заинтересован в стабильных поставках и еще больше — в дешевом сырье. Учитывая низкую себестоимость нефти в странах ССАГПЗ, углубление инвестиционного сотрудничества также означает приобретение надежного поставщика энергоносителей для поддержания дальнейшего экономического роста КНР. Более того, арабские страны, проводя политику диверсификации через вложения в проекты в сфере инфраструктуры и строительства, играют роль одного из крупнейших в мире подрядных рынков, рынков строительства и недвижимости, а также рынков труда. Представляется, что эта характеристика особенно ценна для Китая как страны, активно снабжающей за-

¹⁰ Росатом прошел предквалификацию для строительства АЭС в Саудовской Аравии. *Интерфакс* [Rosatom Has Passed Prequalification for the Construction of Nuclear Power Plants in Saudi Arabia. *Interfax* (in Russian)]. URL: <https://www.interfax.ru/world/677169> (accessed 05.03.2022).

рубежные страны рабочей силой и, параллельно, стремящейся занять нишу в сфере управления международными проектами.

Что касается России, развитие сотрудничества страны с ССАГПЗ — разноплановый и комплексный процесс, затрагивающий сферы, которые обладают взаимной стратегической важностью, особенно на фоне неопределенности в отношениях с западными партнерами для обеих сторон. Тем не менее, проведенный анализ позволяет сделать вывод о недостаточной разработанности темы взаимовыгодного сотрудничества по целому ряду вопросов — от энергетики до инвестиций, — несмотря на явное обоюдное стремление сторон занять нишу рынках партнера. Потенциал взаимодействия можно оценить достаточно высоко, однако для реализации совместных проектов потребуется инициативность бизнес-сообществ и политическая воля руководства стран.

В свою очередь, внешнеэкономическая стратегия стран ССАГПЗ в контексте взаимодействия с наиболее влиятельными экономиками мира заключается в соблюдении баланса интересов на мировых энергетических рынках в отношениях «поставщики-потребители-конкуренты». Анализ ситуации показывает, что от стран Персидского залива требуется главным образом политическая стабилизация, обеспечивающая безопасность поставок. Именно повышение эффективности и снижение системных рисков представляются единственными способами противостоять растущим добывающим мощностям США, наращивая взаимодействие с КНР и другими быстро развивающимися рынками. Безусловно, требования экономической безопасности предполагают контроль над долей иностранного участия в национальных экономиках, однако на данном этапе именно взаимовыгодное сотрудничество с другими странами может обеспечить ССАГПЗ ресурсами, технологиями и средствами производства, необходимыми для совершения качественного перехода к устойчивому экономическому развитию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абрамов А. Е., Андрианов В. В., Борисов Д. В. и др. *Сланцевая революция и глобальный энергетический переход*. Ред. Н. А. Иванов. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 540 с. [A. E. Abramov, V. V. Andrianov, D. V. Borisov et al. *The Shale Revolution and the Global Energy Transition*. Ed. N. A. Ivanov. Moscow; St. Petersburg: Nestor-History, 2019. 540 p. (in Russian)].

Внешнеэкономическая стратегия Российской Федерации до 2020 года. М.: Минэкономразвития России, 2008. 35 с. [*Foreign Economic Strategy of the Russian Federation before 2020*. Moscow: Ministry of Economic Development of Russia, 2008. 35 p. (in Russian)].

Дегтерев Д. А., Никулин М. А., Рамич М. С. *Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ*. М.: РУДН, 2021. 319 с. [Degterev D. A., Nikulin M. A., Ramich M. S. *Balance of Power in Key Regions of the World: Conceptualization and Applied Analysis*. Moscow: RUDN, 2021. 319 p. (in Russian)].

Исраилов А. Х., Шириязданова И. Ф., Гагамова М. М., Экажева Е. Б. Энергетический фактор стран Персидского залива в американской стратегии сдерживания КНР. *Мировая политика*. 2020. № 3. С. 1–13 [Israilov A. H., Shiryazdanova I. F., Gatamova M. M., Ekazheva E. B. The Energy Factor of the Persian Gulf Countries in China Containment Strategy of the U.S. *World Politics*. 2020. No. 3. Pp. 1–13 (in Russian)].

Толмачев П. И. Экономический рост: внешнее измерение в условиях современных трендов мировой экономики. *Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2020. № 2. С. 8–17 [Tolmachev P. I. Economic Growth. External Dimension in the Current Trends of the World Economy. *Bulletin of the Russian State University. Series: Economics. Management. Law*. 2020. No. 2. Pp. 8–17 (in Russian)].

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ /
ELECTRONIC SOURCES

Росатом прошел предквалификацию для строительства АЭС в Саудовской Аравии. *Интерфакс* [Rosatom Has Passed Prequalification for the Construction of Nuclear Power Plants in Saudi Arabia. *Interfax* (in Russian)]. URL: <https://www.interfax.ru/world/677169> (accessed 05.03.2022).

Annual Data. *National Bureau of Statistics of China*. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/> (accessed 01.03.2022).

Project Overview. *Belt and Road Initiative*. URL: <https://www.beltroad-initiative.com/projects/> (accessed 20.04.2021).

Projects. *Reconnecting Asia*. *CSIS*. URL: <https://reconnectingasia.csis.org/database/projects/> (accessed 01.03.2022).

Russian Federation Export Partner Share by Country. *WITS Data*. *The World Bank*. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUS/StartYear/1996/EndYear/2018/TradeFlow/Export/Partner/BY-COUNTRY/Indicator/XPRT-PRTNR-SHR> (accessed 05.03.2022).

Russian Federation Import Partner Share by Country. *WITS Data*. *The World Bank*. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUS/StartYear/1996/EndYear/2018/TradeFlow/Import/Partner/BY-COUNTRY/Indicator/MPRT-PRTNR-SHR> (accessed 05.03.2022).

Russian Federation Product Exports to Middle East & North Africa 2018. *WITS Data*. *The World Bank*. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUS/Year/2018/TradeFlow/Export/Partner/MEA/Product/all-groups> (accessed 05.03.2022).

Trade Map. *International Trade Centre*. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed 28.02.2022).

